

**СВЯЩЕНСТВО И ЦАРСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
СИБИРСКОГО МИТРОПОЛИТА ИГНАТИЯ
(РИМСКОГО-КОРСАКОВА)***

Иван Никулин

Екатеринбургская духовная семинария,
Екатеринбург, Россия

**PRIESTHOOD AND TSARDOM AS VIEWED
BY SIBERIAN METROPOLITAN IGNATII
(RIMSKY-KORSAKOV)**

Ivan Nikulin

Yekaterinburg Theological Seminary,
Yekaterinburg, Russia

Relations between the Orthodox Church and the tsardom of Muscovy in the second half of the seventeenth century have become one of the most important issues of the Church and social agenda. However, the views of the Great Russian episcopate and the degree of their connection with the declarations and claims of the leaders of the Russian Church in the pre-Petrine era remain little-studied. The author suggests that the ideological attitudes at the beginning of Alexei Mikhailovich's reign and during the reforms of Patriarch Nikon forged the worldview of a generation of Russian bishops, including that of Ignatii (Rimsky-Korsakov) (died in 1701), metropolitan of Tobolsk and Siberia, a famous church leader, religious writer, and thinker. The author examines the bishop's activity as that of a bearer of both a traditional and innovative worldview in order to correctly assess Ignatii's striving for change and acceptance of innovation. The article refers to a number of works (including unpublished ones) and the bishop's activities in order to reconstruct the metropolitan's views on church-state relations. According to the concept of the "Byzantine (Constantinople) heritage" and philhellenic ideas,

* *Citation:* Nikulin, I. (2020). Priesthood and Tsardom as Viewed by Siberian Metropolitan Ignatii (Rimsky-Korsakov). In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1143–1156. DOI 10.15826/qr.2020.4.518.

Цитирование: Nikulin I. Priesthood and Tsardom as Viewed by Siberian Metropolitan Ignatii (Rimsky-Korsakov) // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1143–1156. DOI 10.15826/qr.2020.4.518 / Никулин И. Священство и царство в представлениях Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1143–1156. DOI 10.15826/qr.2020.4.518.

Ignatii put *priesthood* over *tsardom* in origin, sought the complete independence of the church court, and strove to expand the role of the Church in public life. At the same time, he emphasised the responsibility of royal power to take care of the Church. Ignatii directly writes about tsars' duty to render "reverence and obedience" to the patriarch. An analysis of the Tobolsk bishop's views demonstrates their closeness to those of many figures in the Russian Church at the time, such as patriarchs Nikon, Joachim, and Adrian, philhellenic writers, etc. The views of the higher clergy on the relationship between *priesthood* and *tsardom* were new in comparison with the tradition of the sixteenth and first half of the seventeenth centuries, and the officials of the young Tsar Peter were more likely to follow the traditional policy of subordinating the Church to the state. The author concludes that it was precisely the understanding by bishops of the Church's place and role in the tsardom of Muscovy that caused Peter I to completely replace Russians in the episcopate with candidates from the Kiev metropolia.

Keywords: Ignatii (Rimsky-Korsakov); church-state relations; the Russian Church in the 17th century; Tobolsk diocese; bishop.

Отношения Церкви и Московского царства во второй половине XVII в. стали одним из важнейших вопросов церковно-общественной повестки, однако практически не изученными остаются представления рядового великорусского епископата, степень их связанности с декларациями и претензиями предстоятелей Русской церкви предпетровской эпохи. Автор полагает, что идеологические установки начала царствования Алексея Михайловича и реформы патриарха Никона сформировали мировоззрение поколения русских архиереев, среди которых известный церковный деятель, духовный писатель и мыслитель митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий Римский-Корсаков (†1701). Автор рассматривает архиерея как носителя традиционного и вместе с тем новаторского мировоззрения с целью оценить его стремление к переменам и принятию нового. На основании ряда сочинений (в том числе неопубликованных) и конкретной деятельности реконструируются его взгляды на церковно-государственные отношения. Исходя из концепции византийского (константинопольского) наследия и представлений грекофилов, владыка Игнатий ставил священство выше царства по своему происхождению, добивался полной независимости церковного суда, стремился к расширению роли Церкви в общественной жизни и вместе с тем подчеркивал обязанность царской власти заботиться о жизнедеятельности церковной организации. Преосвященный Игнатий пишет об обязанности царей оказывать патриарху «почитание и послушание». Анализ взглядов тобольского архиерея показывает их близость многим деятелям Русской церкви рассматриваемого периода: патриархам – Никону, Иоакиму и Адриану, писателям-грекофилам и др. Взгляды высшего духовенства на отношения священства и царства были новыми по отношению к традиции XVI – первой половины XVII в., а чиновники молодого царя Петра скорее следовали уже традиционной политике подчинения Церкви государству. Понимание архиереями последней трети XVII в. места и роли Церкви в жизни Московского царства повлияло

на полную замену в начале XVIII в. Петром I высшего духовенства с великороссов на выходцев из Киевской митрополии.

Ключевые слова: Игнатий (Римский-Корсаков); церковно-государственные отношения; Русская церковь в XVII в.; Тобольская епархия; архиерей.

Несмотря на некоторую условность термина «переходная эпоха», мало кто будет спорить, что последняя треть XVII в. для русской истории – особое время и вместе с тем до сих пор не до конца изученное явление, чаще всего рассматриваемое как конец одной эпохи или начало другой, но не как самостоятельная часть отечественной истории. Именно это подчеркивал А. М. Панченко, отмечая, что фигура Петра Великого заслоняет собой предшествующую эпоху, важную для понимания петровского культурного «скачка» [Панченко, с. 4]. Как кажется, в этой ситуации большое значение имеет изучение творчества во многом забытых писателей, оно позволяет приблизиться к пониманию общественного мнения эпохи и отдельных слоев российского общества последней трети XVII в., в том числе и в контексте грядущих реформ Петра I [см.: Репина, с. 325–366].

Болезненным в указанное время стал вопрос церковно-государственных отношений. Традиции Московской Руси XV–XVI вв. предполагали скорее цезарепапизм, чем какое-либо равноправное сосуществование (достаточно вспомнить конфликты Ивана III, его сына и внука с митрополитами всея Руси). Статус отца царя меняет положение патриарха Филарета, который занимает роль «второго» государя. Патриарх Никон стремится оформить этот статус юридически и презентационно, основываясь на византийской теории симфонии, актуализируя старые христианские идеи империи.

Вопрос взглядов людей Московского царства второй половины XVII в. на церковно-государственные отношения уже поднимался в историографии [см.: Балалыкин], однако касался или отдельных личностей, или групп, или движений, но фактически не исследовался в целом. Вместе с тем, проблема воззрений высшего духовенства на основной вопрос выстраивания отношений «Церковь – государство» еще требует своего пристального изучения, итог которого поможет качественнее реконструировать общественно-политическую мысль эпохи и отчасти понять мотивы церковной политики Петровской эпохи. Одним из перспективных направлений в решении проблемы представляется изучение взглядов рядового епископата Московского царства как реальных деятелей Церкви, имевших влияние на ее политику и возможных кандидатов на патриарший престол.

Одной из таких фигур Русской церкви последней трети XVII в. был Сибирский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков)¹. Происходя из московской аристократии, он начал путь в небольшой обители, был ее игуменом, церковным уставщиком на Соловках, архиман-

¹ Подробнее о его биографии, сочинениях и взглядах см.: [Никулин, 2015].

Митрополит Сибирский и Тобольский
Игнатий (Римский-Корсаков).
Стилизованный портрет XIX в. // Софронов В.
Светочи Земли Сибирской : Биографии
архипастырей Тобольских и Сибирских
(1620–1918 гг.). Екатеринбург, 1998. С. 71

Ignatii Rimsky-Korsakov, Metropolitan
of Tobolsk and Siberia. Stylised portrait
of the 19th century // Sofronov, V. (1998).
Svetochi Zemli Sibirskoi: Biografi arhipastyrei
Tobol'skikh i Sibirskikh (1620–1918 gg.)
[The Luminaries of the Siberian Land.
Biographies of Tobolsk and Siberian Archpriests
(1620-1918)]. Yekaterinburg. P. 71

Надо признать, что митрополит Игнатий был человеком своего времени, в чем-то вполне консервативным и традиционным, например, в понимании Церкви как феодального института и в отстаивании ее экономических интересов. В отношении к старообрядческому расколу он транслировал в основном те мифы, которые были распространены в среде грекофилов, и т. п. Вместе с тем, совершенно явно он не боялся новшеств. В описи его личных вещей есть хрустальные очки [Оглоблин, с. 288]; он не пренебрегал и новыми обычаями, например, пил «траву чай» и передал его в подарок своему другу архиепископу Афанасию в Холмогоры вместе с чашечками, «которыми с той травы воду пьют» [Постников, с. 21, прим. 1], и т. п.

В деятельности митрополита прослеживаются новаторские тенденции, что ярче всего раскрылось в период его деятельности в Сибири, когда он был наиболее независимым церковным руководителем. Преосвященный Игнатий стремится выстроить отношения со своей паствой, сыграть важную роль в ее жизни, презентовать себя как проповедника

дритом монастыря в Ярославле и в 1684 г. занял место архимандрита в царском Новоспасском монастыре. Именно в это время он вошел в ближайшее окружение патриарха Иоакима и высший свет Москвы. В 1692 г. он возглавил самую отдаленную и самую большую епархию – Сибирскую. В 1700 г. из-за конфликта с патриархом Адрианом был отправлен на покой, скончался в 1701 г. Игнатий не только был активным церковным деятелем, заметным писателем и книжником, но и имел достаточно широкий круг общения, многие из его учителей и друзей были архиереями, например, архиепископ Афанасий (Любимов), весьма незаурядный церковный администратор, богослов и писатель той же эпохи.

Игнатий стал сознательным человеком, когда царь Алексей Михайлович с патриархом Никоном начали религиозные и культурные преобразования, и эти новые веяния вошли в мировоззрение молодого монаха Крестомаровской пустыни.

и преемника апостолов. Это проявилось в формах посланий и путешествий. Нельзя сказать, что Игнатий изобрел эти формы церковной деятельности, так как они известны со времен апостолов, но он активно использовал их, явно соотнося себя с деятельностью самих апостолов, в то время как другие архиереи если и делали это, то очень редко. Всего сохранилось пять написанных им по разным поводам посланий, представляющих собой литературные памятники, обращенные ко всем чадам православной церкви в Сибири или христианам одной местности.

Поездки по епархии, в ходе которых митрополит знакомился с церковной жизнью на местах, вел просветительскую деятельность (в том числе боролся со старообрядчеством), решал различные церковные вопросы, а также его попытки (малоуспешные из-за несогласия светских властей) объехать освоенную русским населением восточную территорию Сибири были частью его повседневной деятельности. Вместе с тем, всей его деятельности присущ сильный динамизм, который, как справедливо замечает А. М. Панченко, стал одним из признаков нового в жизни Московского царства второй половины XVII в. [Панченко, с. 5–6]; Игнатий не только не боится предпринять нечто новое, но засыпает своими обращениями Сибирский приказ с просьбой разрешить реализацию его глобальных планов путешествия на восток Сибири.

Большинство провинциальных архиереев эпохи не оставили свидетельств относительно своих представлений о роли священства и царства. Митрополит Игнатий касался этого вопроса в своих сочинениях, что позволяет реконструировать его взгляды достаточно полно².

С середины XVII в. в официальной идеологии Российского царства появляется новый комплекс идей, пришедших на смену концепции «Москва – третий Рим», внешне похожих на последнюю, но имеющих существенные отличия. По справедливому утверждению Н. В. Синецкой, «этот новый комплекс идей обосновывал возросшую роль России и ее столицы, русского православного царя в православном мире, утверждал значение не только “константинопольской вотчины” (в политическом аспекте), но и духовного наследия христианского Востока, значение христианских святынь, переносимых в Москву, сохранение чистоты греческого православия» [Синецкая, с. 307]. Исследовательница предложила наименование данной концепции – «константинопольское наследие». Принципиальное отличие ее от идеи «Москва – третий Рим» состоит в том, что здесь не упоминается об утрате греками истинной веры после событий XV в.: Константинополь остается духовной столицей мира, которую необходимо освободить. В целом во второй половине XVII в. было предпринято немало попыток определить место Российского царства в мире и мировой истории. Это нашло отображение и в так называемой «издательской» деятельности Посольского приказа, когда при участии Николая

² Вопросы церковно-государственных отношений в основном рассматриваются в двух панегириках, обращенных к царской власти, написанных в конце 80-х – начале 90-х гг. XVII в., отдельные замечания содержатся и в ряде других сочинений владыки Игнатия.

Спафария составлялись такие труды, как «Титулярник», «Василиологион» и «Хрисмологион», и в трудах многих других писателей – современников владыки Игнатия.

Сама концепция «константинопольского наследия» и ее бытование во второй половине XVII в. представляются еще не до конца изученными. Кроме уже указанной работы Н. В. Синицыной, небольшой статьи А. П. Богданова, который, впрочем, не разграничивает концепции «Москва – третий Рим» и «константинопольское наследие» [Богданов], необходимо отметить довольно тщательный анализ формирования и развития концепции в середине XVII в., сделанный Н. П. Чесноковой [Чеснокова, с. 159–198]. Она предлагает иное наименование, а именно – «византийское наследие», в некотором смысле более полно передающее содержание концепции. Также можно отметить описание Н. Ф. Каптеревым влияния греков на развитие данной теории [Каптерев, 1885, с. 248–281].

Действуя в общем русле, преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков) оставил свой оригинальный след в осмыслении современного ему Московского царства. В ряде его трудов концепция «византийского (константинопольского) наследия» получила развитие и оформление, а также приобрела религиозно-политическую направленность. Главная задача царской власти, по мысли Игнатия, заключается в охране Церкви, в первую очередь ее внешних границ, в освобождении всей православной «ойкумены». Эта концепция оказала немалое влияние и на взгляды митрополита Игнатия на церковно-государственные отношения.

В его представлениях «царство Отца и Сына и Святого Духа» разделяется на две части – «видимое же и невидимое» [Свидетельство, с. 233]. Последнее является Царством Небесным, уготованным для праведников. Игнатий подробно не излагает его связь со священством, а лишь намекает на превосходство духовного человека, принявшего дар от Бога, над душевным. «Видимое царство», по Игнатию, – «Божью милостию соблюдаемое царство христианское: Российское царство». Далее в каждом элементе иконы Софии Премудрости Божией Игнатий находит соответствия реальному Московскому царству конца 80-х гг. XVII в. Однако в «видимом царстве» глава Русской церкви, в отличие от всех остальных реалий, не имеет своего места (как бы находясь над ним), но в самом начале подчеркивает, что «особо свиток в руце: яко заступница же и крепкий поборник (имеется в виду царица Софья Алексеевна; курсив наш. – И. Н.) о благочестии, по Духу, отцу их великих государей и богомолцу... Иоакиму, патриарху Московскому и всея России...» [Свидетельство, с. 235–236]. Эти идеи послушания патриарху как отцу раскрываются в «Слове о Российском царствии» (1690), обращенном к братьям Петру и Иоанну: «Почитание же, и послушание, и заступление (курсив наш. – И. Н.) во Святем Дусе отцу своему и прилежному богомолцу, а нашему великому господину, всесвя-

тейшему Кир Иоакиму Божию милостию...» [БАН. П. I. А 10. Л. 22 об. – 23 об.].

С определенной долей уверенности можно утверждать, что Игнатий вслед за патриархом Никоном отчасти принимал претензии священства на земную власть. Так, летом 1695 г. митрополит написал грамоту в Пекин священнику Максиму Леонтиеву. В ней, объясняя, как освятить церковь, он предписал находящимся на чужбине русским после поминовения царского рода «молить» «о великом господине и государе» (курсив наш. – И. Н.), отце нашем всесвятейшем кир Адриане архиепископе Московском и всея России» [Никулин, 2011, с. 218, 220]. Однако именование патриарха «великим господином и государем» явно выбивается из практики употребления этого титула самим владыкой Игнатием (хотя в грамоте дважды представлен именно такой титул патриарха). Только два патриарха носили титул «великого господина и государя» – Филарет Никитич и Никон. Причем патриарх Никон в основном с 1653 г. употреблял титул «великий государь», стараясь тем самым показать равновеликость светских и духовных властей [Страхова, с. 170–171]. Патриарх Филарет (Романов) чаще себя именовал именно «великим господином и государем». Кстати, сам этот титул не был придуман Филаретом, его употребление встречается еще в XVI в. [Там же, с. 152]. Собор 1675 г. установил титулование патриарха по формуле: «Великий господин святейший кир Иоаким, милостию Божиею патриарх Московский и всея России». По ней и полагалось помянуть патриарха во всей Русской церкви [Полознев, с. 452]. Употребление титула «великого господина и государя» после суда над Никоном практически исчезло (есть случаи такого титулования патриарха в обращениях архиереев к Иоакиму, однако они единичны) [Страхова, с. 156]. Собственно, титул «государь» по отношению к патриарху в последней трети XVII в. употреблялся во внутрицерковной переписке, но в отдельности от титула «великий господин». Сообразуясь с вышесказанным, можно предположить, что формула «великий господин и государь» появилась именно в грамоте в Пекин не случайно: митрополит был уверен, что о ее содержании вряд ли узнают в Москве, и мог выражать в ней свои истинные воззрения, тогда как в других своих сочинениях титул «великого господина и государя» по отношению к патриарху не употреблял. Возможно, этим он старался подчеркнуть высоту власти патриарха.

Царство должно заботиться о внешней жизни Церкви. В панегирическом толковании на икону Софии Премудрости Божией, в иконографии которой преосвященный Игнатий находит аналогии в «видимом царстве», семь столпов, которые поддерживают престол Премудрости, «знаменуют крепкое ея (то есть царевны Софии Алексеевны. – И. Н.) заступление седми вселенских святых отцев собравшихся, о благочестии собравшихся» [Свидетельство, с. 235–236]. В «Слове о Российском царствии» (1690) читаем:

Воинственная же его (Петра I. – И. Н.) изъявления и обозрительство и ревность о святой Церкви, сие есть любовь ко Господу Богу, в Троице Святей славимому, и к Пречистой Деве Богородице Марии, и по всем святым угодником Божиим, и помощь восточной святей Христове Церкви: Православия же отеческаго преданий тоя хранение [БАН. П. I. А 10. Л. 22 об. – 23].

В своей повседневной деятельности митрополит Игнатий активно старался просить помощи государя и вполне смиренно принимал его власть как «внешнего» епископа. В челобитной, написанной по призыву владыки Игнатия в Тобольск, говорится:

Аз смиренный богомолец ваш вседушевно желаю и молитствую, но понеже ваше царское величество яко православныя и милостивые монархи повелели мне есте, богомолцу вашему, духовне же и отчески паствити словесные овчата Христова в вашей царского величества отчины Сибирского царствия [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1058. Л. 187].

Преосвященный Игнатий в своей деятельности стремился отстаивать независимость церковного суда. В грамоте илимскому воеводе Б. А. Челищеву владыка Игнатий пишет:

...по правилу святых апостол и святых отец, и по изложению благочестивых царей, и святейших вселенских патриархов, и всего освященного собора, монастыри и монастырские всяких чинов люди судом и расправою поручены нам архиерею, и нашим наместником, и закащиком и десятинником... <...> В царствующем граде Москве и во всех российских градах, монастырей и монастырских всяких чинов людей градские и посыльщиков их судом и расправою ни в чем не ведают, и ни в какие монастырские и земские дела без архиерейскаго повеления не вступают, и монастырем и монастырским людям разорения и нападков не чинят [Древние церковные грамоты, с. 65].

Автор грамоты явно намекает на решение Большого московского собора о закрытии монастырского приказа, окончательной ликвидации которого добился патриарх Иоаким.

Деятельность тобольского архиерея показывает, что митрополит Игнатий был сторонником широкого участия представителей Церкви в общественной жизни. Дело не только в панегириках (весьма поучительных), обращенных к царским особам, или в произнесении пламенных патриотических речей. Игнатий активно вмешивается в светскую жизнь – пересылает в Москву жалобы на местные сибирские власти, ходатайствует о выплатах жалования служилому населению Сибири, в период красноярского бунта через послание призывает подчиниться власти нового воеводы. Он не боится пойти на открытую конфронтацию с воеводой А. Ф. Нарышкиным и отлучить его от Церкви.

Кратко взгляды Игнатия можно сформулировать так: священство по своей сути и происхождению выше царства, патриарх является отцом и богомольцем царя. Царь должен не только быть послушным воле предстоятеля Русской церкви, но и заботиться о церковной организации, при этом не нарушая ее судебного иммунитета.

Из трудов митрополита Игнатия хорошо видно, что он почитал патриарха Никона и с уважением относился к его личности, именую его «добрым Христова всероссийского стада пастырем и неусыпным стражем» [Послания блаженного Игнатия, с. 107]. При сравнении взглядов того и другого видна явная их близость, даже с учетом того, что воззрения Никона, несмотря на их родство с византийскими средневековыми построениями, своеобразны, запутанны и менялись на протяжении времени. С другой стороны, они были новыми для своего времени. Еще Н. Ф. Каптерев писал: «Усвоив себе взгляд на священство как высшее царство, как на независимое от него ни в чем, требующее себе со стороны царства не только почитания и внимания, но и послушания, Никон подверг, с этой точки зрения, беспощадной критике существовавшие при нем исторически сложившиеся отношения Церкви к государству и естественно приходит к тому выводу, что Церковь находится в положении гонимой и угнетаемой со стороны светской власти» [Каптерев, 1892, т. 2, № 6, с. 497]. Н. Ф. Каптерев подчеркивал, что патриарх Никон решительно заявлял, что «светская власть не имеет никаких верховных прав над лицами духовными, не может судить их и управлять ими, так как церковь есть вполне самостоятельное и независимое от царства учреждение, которое имеет свои собственные органы для управления и суда» [Там же, с. 510].

Характер Никона и обстоятельства жизни не могли сделать его лидером церковной иерархии, однако его идеи (укоренные в концепции византийского наследия) глубоко проникли в умы высшего духовенства Московского царства. Об этом ясно свидетельствует дискуссия на Большом московском соборе, которую подробно передает Паисий Лигарид [Каптерев, 1892, т. 3, № 10, с. 46–69]. Несмотря на то, что итогом дискуссии стала довольно сдержанная формулировка о преимуществе царя в делах светских, а патриарха – в делах церковных, высшее духовенство не переменило своих мыслей и не отказалось от желания большей независимости. Об этом ясно свидетельствует проповедь будущего патриарха Иоакима, произнесенная им в 1672 г.:

И елико разнствует тело души, или елико отстоит небо от земли, толико и паче много вядище разнство и разстояние внешняя власти и церковная. Ктоже власть церковная? Суть богопоставленнии архиереи и иереи, иже немощныя врачуют, иже мраком сует мира сего ослепшия, зарями богодухновенных словес просвещают, иже храмлющая лестною стезею самомнения, путевают правым шествием истинных церковных догмат учения, иже имут ключи неземнаго некоего града, но самага небесе,

иже царство небесное заключают и отверзают: елико бо аще свяжете на земли, будут связанны на небеси, рече Христос, и елики же аще разрешите на земли, будут разрешенни на небеси. Сию и сицевую власть имущим должныствуют подвластнии со всяким смирением и покорением подчиняться.

О двух равновеликих величинах, священстве и царстве, писал патриарх Иоаким и в предисловии к «Щиту веры» [см.: Панич, с. 62]. Именно такими вполне близкими патриарху Никону представлениями и руководствовался Иоаким в своей деятельности. Ему удалось добиться полной ликвидации монастырского приказа и института светских архиерейских чиновников – десятительников, значительно возвысить статус патриарха среди прочих епископов, играть активную роль в общественно-политической жизни того времени.

Преемник Иоакима Адриан после вступления на первосвятительскую кафедру сразу заявил о своем понимании вопроса. Он пишет в окружном послании 1690 г. о явном преимуществе священства над царством, исследователи не раз отмечали, что во взглядах он был весьма близок патриарху Никону [Скворцов, с. 17; Белякова]. В самом начале своего послания он указывает:

Два начальства вышнейших устрои Бог на земли, священство глаголю и царство. Ово убо божественным служаща. Ово человеческими владуща и пекущаяся, от единого бо тогожде начальство обоя сия происходят человеческого жития украшению. Царство убо власть иметь точию на земли, еже между человеки суды управляти праведные. <...> Царство расширяти. <...> Церкви святей православней во всяких случаях и скудостех помощь подати, наипаче же еретики и раскольники и всякие наветники отгоняти... Священство же власть имать и на земли и на небеси, еже убо свяжет на земли, будут связаны и на небеси, и яже разрешит на земли, будут разрешены и на небеси.

Далее Адриан говорит о том, что патриарх есть образ Христа, глава всех и отец как для царей, так и для всех «правоверных» [Есипов, прил., с. 76–77].

Необходимо отметить, что подобных взглядов, по-видимому, придерживался и весь рядовой епископат. Н. Ф. Каптерев писал, что «во второй половине XVII в. архиереи и на соборах, и в своих поучениях к пасомым свободно заявляли, что „духовный начальник много вящий светскаго“, что „елико разнствует тело души, или, елико отстоит небо от земли, толико и паче много вяще разнство и расстояние внешняя власти и церковныя“, что „церковную власть имущим должныствуют подвластнии со всяким смирением и покорением подчиняться“» [Каптерев, 1892, т. 3, № 10, с. 70]. Как хорошо показала Т. В. Панич, писатели патриаршего круга, среди которых архиепископ Холмогорский Афанасий, активно использовали актуализированные

патриархом Никоном византийские идеи симфонии священства и царства и превосходства церковной власти как власти духовной над властью светской, относящейся к земному [Панич, с. 49–71]. О взглядах, близких воззрениям митрополита Игнатия, свидетельствует и поведение предшественника Игнатия по тобольской кафедре Павла (†1692) в конфликте с одним из тобольских воевод и судном деле с Илимским воеводой [ПСРЛ, с. 172; Архипастыри Тобольской епархии, с. 82–83; РГАДА. Ф. 214. Ст. 858, 531, 788].

Можно утверждать с относительной долей уверенности, что в последней трети XVII в. патриархи и епископат Русской церкви придерживались во многом никонианских позиций о главенстве священства над царством или как минимум о его равенстве, о независимости церковной организации и об обязанности царства покровительствовать и всецело заботиться о Церкви. Интересно, что если такое понимание отношений между Церковью и государством в 1680-е гг. в Сибирском приказе де-факто признавалось (и митрополит Павел был поддержан в конфликте с тобольским воеводой), то во второй половине 1690-х гг. произошли существенные изменения, и позиция митрополита Игнатия в споре с местными властями была осуждена (это при том, что сам молодой царь в это время находился в Великом посольстве). Именно в середине 1690-х гг. после смерти Наталии Кирилловны меняются и отношения молодого царя-реформатора с уже постаревшим сторонником никонианских идей патриархом Адрианом.

В этом контексте рассматриваемые представления митрополита Игнатия были скорее новаторскими (по отношению к представлениям дониконовской эпохи), нежели традиционными, и являлись реакцией духовенства на усиление роли государства в церковной жизни, контроля за церковным судом, вотчинами и финансами. В этом смысле московские чиновники конца XVII в. скорее придерживались традиционных тенденций к подчинению Церкви государству (хорошо заметных в середине XVII в.), нежели предлагали нечто новое в области церковно-государственных отношений.

Традиционно считается вслед за известным специалистом по истории малороссийского влияния на великорусскую церковную жизнь К. В. Харламповичем, что причина замены в 1699–1718 гг. великорусского высшего духовенства на выпускников Киевской коллегии связана сугубо с их высокой образованностью и теми просветительскими задачами, которые перед ними ставила царская власть [Харлампович, с. 465]. Однако украинские шляхтичи имели, по-видимому, совершенно иные представления о церковно-государственных отношениях, дополнявшиеся к тому же известным сервизмом в процессе обучения в киевских духовных школах (что признает, в частности, К. В. Харлампович [Там же, с. 468]), по-иному воспринимали петровские преобразования (как государственные, так и церковные). Поэтому, как кажется, именно взгляды великорусского духовенства на церковно-государственные отношения сыграли едва ли не глав-

ную роль в практике поставления высшего духовенства из малороссов в 1699–1718 гг. и стали причиной отсутствия достойного кандидата на патриаршество в 1700 г. с точки зрения светской власти. В конце концов это открыло путь к синодальной реформе.

Список литературы

Архипастыри Тобольской епархии // Религия и Церковь в Сибири : сб. науч. ст. и док. материалов. Вып. 4. Тюмень : Рутра, 1992. С. 76–89.

Балалыкин Д. А. Проблемы «Священства» и «Царства» в России второй половины XVII в. в отечественной историографии (1917–2000 гг.). М. : Весть, 2006. 335 с.

БАН. П. I. А 10.

Белякова Е. В. Адриан // Православная энциклопедия. М. : Правосл. энцикл., 2000. Т. 1. С. 312–313.

Богданов А. П. Россия накануне империи: политические концепции и реальность последней четверти XVII в. // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика : материалы IX междунар. семинара ист. исслед. «От Рима к третьему Риму», Москва, 29–31 мая 1989 г. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1995. С. 333–352.

Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архим. Мелетием. Казань : Университет. тип., 1875. XXX, 199 с.

Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии : в 2 т. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1863. Т. 2. 276 с.

Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М. : Тип. Л. Ф. Снегирева, 1885. 580 с.

Каптерев Н. Ф. Суждение большого московского Собора 1667 года о власти царской и патриаршей : (К вопросу о преобразовании высшего церковного управления Петром Великим) // Богослов. вестн. 1892. Т. 2. № 6. С. 483–516. Т. 3. № 10. С. 46–74.

Никулин И. А. Грамота в Пекин священнику Максиму Леонтиеву митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) как памятник литературы конца XVII в. // Вестн. Екатеринбург. духов. семинарии. 2011. № 2. С. 206–221.

Никулин И. А., свящ. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский / отв. ред. И. Л. Манькова. Екатеринбург : Екатеринбург. духов. семинария, 2015. 313 с.

Оглоблин Н. Н. Библиотека сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. // Библиограф. 1892. № 8–9. Отд. 1. С. 286–291.

Панич Т. В. Писатели патриаршего круга в богословской полемике 80-х – 90-х гг. XVII в. : дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск : [Б. и.], 2007. 437 с.

Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 205 с.

ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. Сибирские летописи: группа Есиповской летописи. М. : Наука, 1987. 381 с.

Полознев Д. Ф. Московские патриархи Иоасаф II, Питирим, Иоаким и Адриан // Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви : в 7 кн. М. : Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1996. Кн. 7. С. 440–495.

Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Казань : Тип. губерн. правления, 1855. 176 с.

Постников С. Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важеский // Странник. 1866. Окт. С. 5–42.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ст. 531, 788, 858; Оп. 3. Д. 1058.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и социологическая практика. М. : Круг, 2011. 560 с.

«Свидетельство... о Российском благословенном царствии» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века : Литературные панегирики : в 2 ч. / подг. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. М. : Ин-т истории СССР, 1983. Ч. 2. С. 233–241.

Синицына Н. В. Третий Рим : Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М. : Индрик, 1998. 416 с.

Скворцов Г. А. Патриарх Адриан: его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII века. Казань : Центр. тип., 1913. 369 с.

Страхова О. Б. Официальная титулатура русских патриархов в изданиях Московского Печатного двора (1589–1700 гг.) // *Palaeoslavica*. 2007. Vol. 15. Iss. 2. P. 117–206.

Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань : М. А. Голубев, 1914. Т. 1. 878 с.

Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (по документам Российского государственного архива древних актов). М. : Индрик, 2011. 288 с.

References

Arkhiepistymi Tobol'skoi eparkhii [Bishops of Tobolsk Diocese]. (1992). In *Religiya i Tserkov' v Sibiri. Sbornik nauchnykh statei i dokumental'nykh materialov*. Iss. 4. Tyumen, MI "Rutra", pp. 76–89.

Balalykin, D. A. (2006). Problemy "Svyashchenstva" i "Tsarstva" v Rossii vtoroi poloviny XVII v. v otechestvennoi istoriografii (1917–2000 gg.) [Problems of "Priesthood" and "Tsardom" in Russia in the Second Half of the 17th Century in Russian Historiography (1917–2000)]. Moscow, Vest'. 335 p.

BAN [Library of the Russian Academy of Sciences]. P. I. A 10.

Belyakova, E. V. (2000). Adrian [Adrian]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya. Vol. 1, pp. 312–313.

Bogdanov, A. P. (1995). Rossiya nakanune imperii: politicheskie kontseptsii i real'nost' poslednei chetverti XVII v. [Russia on the Eve of Empire: Political Concepts and the Reality of the Last Quarter of the 17th Century]. In *Rimsko-konstantinopol'skoe nasledie na Rusi: ideya vlasti i politicheskaya praktika. Materialy IX Mezhdunarodnogo seminarar istoricheskikh issledovaniy "Ot Rima k Tret'emu Rimu"*, Moskva, 29–31 maya 1989 g. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 333–352.

Chesnokova, N. P. (2011). *Khristianskii Vostok i Rossiya: politicheskoe i kul'turnoe vzaimodeistvie v seredine XVII veka (po dokumentam Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov)* [The Christian East and Russia: Political and Cultural Interaction in the Mid-17th Century (According to the Documents of the Russian State Archive of Ancient Acts)]. Moscow, Indrik. 288 p.

Drevnie tserkovnye gramoty Vostochno-sibirskogo kraia (1653–1726) i svedeniya o Daur'skoi missii, sobrannye missionerom arhimandritom Meletiem [Medieval Church Letters of the East Siberian Region (1653–1726) and Information about the Dauria Mission Collected by the Missionary Archimandrite Meletiy]. (1875). Kazan, Universitetskaya tipografiya. XXX, 199 p.

Esipov, G. V. (1863). Raskol'nich'i dela XVIII stoletiya, izvlechennye iz del preobrazhenskogo prikaza i tainoi rozysknykh del kantselyarii [Schismatic Cases of the 18th Century, Extracted from the Files of the Preobrazhensky Prikaz and the Secret Investigation Office]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". Vol. 2. 276 p.

Kapterev, N. F. (1885). *Kharakter otnoshenii Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiyakh* [The Nature of Russia's Attitude to the Orthodox East in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Tipografiya L. F. Snegireva. 580 p.

Kapterev, N. F. (1892). Suzhdenie bol'shogo moskovskogo Sobora 1667 goda o vlasti tsarskoi i patriarshei. (K voprosu o preobrazovanii vysshego tserkovnogo upravleniya Petrom Velikim) [The Judgment of the Great Moscow Council of 1667 on the Power of the Tsar and the Patriarch. (On the Question of the Transformation of Church

Administration by Peter the Great)]. In *Bogoslovskii vestnik*. Vol. 2. No. 6, pp. 483–516. Vol. 3. No. 10, pp. 46–74.

Kharlampovich, K. V. (1914). *Malorossiiskoe vliyanie na velikorusskuyu tserkovnuyu zhizn'* [Ukrainian Influence on Great Russian Church Life]. Kazan, M. A. Golubev. Vol. 1. 878 p.

Nikulin, I. A. (2011). Gramota v Pekin svyashchenniku Maksimu Leontievu mitropolita Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) kak pamyatnik literatury kontsa XVII v. [A Letter to Beijing Written by Metropolitan Ignatii (Rimsky-Korsakov) to Priest Maxim Leontiev as a Literary Artefact of the Late 17th Century]. In *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*. No. 2, pp. 206–221.

Nikulin, I. A., pr. (2015). *Preosvyashchennyi Ignatii (Rimskii-Korsakov), mitropolit Sibirskii i Tobol'skii* [Bishop Ignatii (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Tobolsk and Siberia] / ed. by I. L. Man'kova. Yekaterinburg, Ekaterinburgskaya dukhovnaya seminariya. 313 p.

Ogloblin, N. N. (1892). Biblioteka sibirskogo mitropolita Ignatiya, 1700 g. [Library of Ignatii, Metropolitan of Siberia, 1700]. In *Bibliograf*. No. 8–9. Section 1, pp. 286–291.

Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter's Reforms]. Leningrad, Nauka. 205 p.

Panich, T. V. (2007). *Pisateli patriarshego kruga v bogoslovskoi polemike 80-kh – 90-kh gg. XVII v.* [Writers of the Patriarchal Circle in the Theological Debate of the 1680s–1690s]. Dis. ... dokt. filol. nauk. Novosibirsk, S. n. 437 p.

Poloznev, D. F. (1996). Moskovskie patriarkhi Ioasaf II, Pitirim, Ioakim i Adrian [Moscow Patriarchs Ioasaf II, Pitirim, Joachim and Adrian]. In Makarii (Bulgakov), metr. *Istoriya russkoi tserkvi v 7 kn.* Moscow, Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja. Book 7, pp. 440–495.

Poslaniya blazhennago Ignatiya, mitropolita Sibirskogo i Tobol'skogo [Epistles of Blessed Ignatii, Metropolitan of Siberia and Tobolsk]. (1855). Kazan, Tipografiya gubernskogo pravleniya. 176 p.

Postnikov, S. (1866). Afanasii, pervyi arkhiepiskop Kholmogorskii i Vazheskii [Athanasius, the First Archbishop of Kholmogory and Vaga]. In *Strannik*. October, pp. 5–42.

PSRL [Complete Collection of Russian Chronicles]. (1987). Vol. 36. Part 1. Sibirskie letopisi: gruppa Esipovskoi letopisi. Moscow, Nauka. 381 p.

Repina, L. P. (2001). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i sotsiologicheskaya praktika* [Historical Studies at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographic Practice]. Moscow, Krug". 560 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 214. List 1. St. 531, 788, 858; List 3. Dos. 1058.

Sinitsyna, N. V. (1998). *Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [The Third Rome. The Origins and Evolution of Russian Medieval Concepts (15th–16th Centuries)]. Moscow, Indrik. 416 p.

Skvortsov, G. A. (1913). *Patriarkh Adrian: ego zhizn' trudy v sviazi s sostoyaniem Russkoi Tserkvi v poslednee desyatiletie XVII veka* [Patriarch Adrian: His Life and Works in Connection with the State of the Russian Church in the Last Decade of the 17th Century]. Kazan, Tsentral'naya tipografiya. 369 p.

Strakhova, O. B. (2007). Ofitsial'naya titulatura russkikh patriarkhov v izdaniyakh Moskovskogo Pechatnogo dvora (1589–1700 gg.) [Official Titling of Russian Patriarchs in the Publications of the Moscow Print Yard (1589–1700)]. In *Palaeoslavica*. Vol. 15. Iss. 2, pp. 117–206.

“Svidetel'stvo... o Rossiiskom blagoslovennom tsarstvii” [“A Testimony about the Russian Blessed Tsardom”]. (1983). In Bogdanov, A. P. (Ed.). *Pamyatniki obshchestvenno-politicheskoi mysli v Rossii kontsa XVII veka: Literaturnye panegiriki v 2 ch.* Moscow, Institut istorii SSSR. Part 2, pp. 233–241.

The article was submitted on 10.07.2020